

Владислава Вардиц (Потсдам)

О НЕКОТОРЫХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ
ЛЕКСИЧЕСКОГО ТРАНСФЕРА В БАЛТО-БАЛКАНСКОМ АРЕАЛЕ
(НА ПРИМЕРЕ ТУРЕЦКО-БОЛГАРСКОГО,
НЕМЕЦКО-ПОЛЬСКОГО И РУССКО-ЛАТЫШСКОГО
ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА)

В докладе рассмотрены некоторые социолингвистические механизмы лексического трансфера в условиях языкового контакта в балто-балканском культурном ареале (Цивьян 2008: 9). Избранные для анализа ситуации можно условно обозначить как примеры «имперского» двуязычия, предполагающего *неравноправное* сосуществование языков на определённой административной территории, а именно — функциональное, — а вслед за ним неизбежно и социальное распределение языков (государственный, или официальный, язык как *high variety*: языки повседневного общения как *low variety*). При этом в качестве официального языка власти *de facto* или *de jure* утверждается язык «чужих», который становится и социально престижным, ср., например, функционирование турецкого и болгарского в Болгарии под властью Османской империи, немецкого и польского после третьего раздела Речи Посполитой и более недавний пример — русского и латышского в Латвийской ССР.

В названных культурных пространствах постоянно актуализируется — уже вследствие перманентной исторической динамики их культурных, языковых, этнических, геополитических и т.д. границ — оппозиция *своей / чужой*. В свою очередь, рефлексия по поводу собственной идентичности предполагает постоянную селекцию элементов *своей* и *чужой* культуры, в том числе и в языковом репертуаре «своих», пребывающих в состоянии культурного контакта с чередующимися «чужими».

Анализ лингвистических результатов подобной рефлексии призван выявить социолингвистические механизмы лексического трансфера из языка «чужих» в язык «своих» и, в частности, социолингвистическую дистрибуцию соответствующих заимствований в «постимперский» период. В лингвистическом отношении «постимперские» ситуации ха-

рактируются тем, что стандартный вариант языка «чужих» замещается в новых геополитических условиях стандартным вариантом языка «своих», утрачивая при этом и широту сферы бытования, и социальный престиж. Подобные процессы сопровождаются, как правило, мероприятиями языковой политики и пуристическими установками в отношении упразднённого языка власти.

В центре внимания доклада два вопроса: 1) Что происходит в ситуации подобного социолингвистического сдвига с многочисленными заимствованиями из языка «чужих»? 2) Каким образом их социолингвистический дрейф в языке «своих» отражает судьбу языка «чужих» в целом? Предположительно, социолингвистический анализ позволит выявить аналогичные мотивы лексического трансфера, связанные с тождественной — «постимперской» — геополитической и культурной ситуацией, которая предполагает идеологическое переосмысление и функциональную перестройку «имперской» диглоссии.

В методологическом и концептуальном отношении наше исследование интегрирует идеи балканистики и системно-лингвистической типологии.

Поскольку именно «балканистика стала своего рода полигоном для испытания методов типологического анализа» (Цивьян 2012: 15), «инструмент языкового союза применялся и применяется к самым разным сочетаниям языков» (там же: 14). При этом в различных конвергентных образованиях, которые мыслятся как один из типов (со)существования языков на территории Евразии, важная роль отводится и социолингвистическим условиям, изменения которых могут привести к изменению той или иной конвергентной тенденции (Эдельман, Цивьян 2005: 21–22). Высказанные идеи существенны и для нашего исследования, в котором определённые ареалы выделены и сопоставлены на основании общности геополитической и, как следствие, лингвистической истории, ср. анализ лингвистической истории в колониальных и постколониальных языковых сообществах в колониальной лингвистике, например, в (Schmidt-Brücken et al. 2015).

Далее, если изначально лексическим явлениям — в отличие от явлений структурных — отводилась второстепенная роль как в системной и контактной лингвистике, так и в ареальной типологии, то в последнее время все три интересующие нас направления уделяют описанию лексического трансфера всё большее внимание, ср. «Lexical borrowing as a topic for general linguistics» (Haspelmath 2009: 35 и далее). Пред-

ставляя проект по изучению типологии заимствований в языках мира (Haspelmath, Tadmor 2009), создатели подчёркивают, что изучение *lexical borrowability* важно для развития сравнительно-исторического языкознания и общей лингвистики (Haspelmath 2009: 36). При этом объяснение механизмов лексического трансфера предполагает учёт не только грамматических (*grammatical factors*), но и социальных факторов и аттитудов (*social and attitudinal factors*), таких, как престиж языка-донора или пуристические установки (там же, 35).

Наше исследование опирается на широкое определение лексического заимствования — «a word that at some point in the history of a language entered its lexicon as a result of borrowing (or *transfer*, or *copying*)» (Haspelmath 2009: 36). При этом мы различаем трансфер лексических и словообразовательных элементов, т.е. лексические заимствования (*material borrowing*), с одной стороны, и трансфер синтаксических, морфологических и семантических паттернов, т.е. заимствования структурные (*structural borrowing*), — с другой (там же). В докладе речь пойдёт о собственно лексических заимствованиях.

Наблюдения над «постимперскими» языковыми ситуациями показали, что если вытеснение и замещение заимствований из языка «чужих» в официальной сфере регулируется государственными инстанциями посредством языковой политики, то в некодифицированных стратах регулирующую функцию принимают на себя носители языка.

В докладе рассмотрены механизмы селекции элементов языка «чужих» в некодифицированных стратах — в повседневной речи и социальных жаргонах. Исследование основано на следующем материале: 1) турцизмы в болгарском языке (Leschber 2007 и 2014), 2) германизмы в польском (Biaduń-Grabarek 2013, Dreschel 1996) и 3) русизмы в латышском (результаты полевых исследований автора доклада в 2016–2017 гг.). Количественно-статистический анализ на первичном этапе исследования не проводился.

Анализ результатов лексического трансфера в трёх указанных ситуациях подтвердил предположение о том, что социолингвистический статус языка-донора определяет, в какую страту принимающего языка заимствуются его элементы (о распределении заимствований по внутриязыковым стратам в зависимости от престижа языка-донора см. Warditz 2018: 89–179). В наших примерах властный статус языка «чужих» в многоязычной социолингвистической ситуации «имперского» периода утрачивается в «постимперской» ситуации, меняя престиж на стигму.

Как правило, язык «чужих» становится при этом из *lingua franca* и языка бюрократического аппарата языком непрестижного этнокультурного меньшинства. По аналогии с языками других стигматизированных меньшинств (ср. цыганский язык или идиш в качестве источников лексического трансфера в социальные диалекты, например, в Восточной и Западной Европе начиная с XV века), языки «чужих» как символы упразднённой имперской власти становятся одним из источников для создания экспрессивных элементов в некодифицированной сфере. Так, турецкое *ferman* ‘указ султана’ превращается в болгарском молодёжном жаргоне в *ферман* ‘трудный для понимания письменный текст’; полонизированные элементы немецкого бюрократического языка, например, *ancajgowac* < *anzeigen* ‘зд. подавать иск’, *anunk* < *Ahnung* ‘понятие’, *ferlezować* < *vorlesen* ‘читать вслух’ — перемещаются в польские некодифицированные страты ещё до восстановления Польской Республики в 1918 г. Для разговорной латышской речи после 1991 г. также характерно использование русских элементов официального советского дискурса, как правило, ироническое или с негативной коннотацией, например, *prazdniks* ‘вечеринка низкого уровня’ или *subbotniks* ‘бесцельный коллективный труд’¹.

М. Хаспельмат выделяет две основные причины лексического трансфера — «borrowing of new words along with new concepts (*cultural borrowing*) and borrowing for reasons of prestige (*core borrowing*)» (Haspelmath 2009: 52). Однако, предварительные наблюдения над нашим материалом показали, что оба названных механизма задействованы при лексическом трансфере из стандартного варианта языка «чужих» в некодифицированные варианты языка «своих» в определённых социолингвистических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Цивьян 2008 — Цивьян Т. В. Язык: тема и вариации. Избранное в 2 тт. Том 1. М.: Наука, 2008.
- Цивьян 2012 — Цивьян Т. В. Языковые союзы и балканизмы сегодня: вспоминания Н. С. Трубецкого // К *Balkanismen heute* — *Balkanisms Today* — Balka-

¹ Подобное использование русских элементов официального советского дискурса отмечено и для современного литовского языка, и для немецкого языка на территории бывшей ГДР.

- nizmy segodnja / Kahl Th., Metzeltin M., Schaller H. (eds.). Wien; Münster; New York: LIT, 2012. С. 13–20.
- Эдельман, Цивьян 2005 — *Эдельман Д. И., Цивьян Т. В.* Языковые союзы и ареалы языковой и этнокультурной конвергенции на территории Евразии // Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (История и современность). Книга 1. М.: Наука, 2005. С. 10–22.
- Biaduń-Grabarek 2013 — *Biaduń-Grabarek H.* Zum Schwund der lexikalischen Entlehnungen aus dem Deutschen in den Mundarten der polnischen Großstädte im ehemals deutsch-polnischen Grenzgebiet. Frankfurt/M.: Peter Lang, 2013.
- Dreschel 1996 — *Dreschel U.* Wie fest ist deutsches Lehngut im Polnischen verwurzelt? // *Studia i materiały. Germanistyka*. XII, 1996. S. 43–49.
- Haspelmath 2009 — *Haspelmath M.* Lexical borrowing: Concepts and issues // *Loanwords in the World's Languages. A Comparative Handbook* / Haspelmath M., Tadmor U. (eds.). Berlin; Boston: De Gruyter 2009. P. 35–54.
- Haspelmath, Tadmor 2009 — *Loanwords in the World's Languages. A Comparative Handbook* / Haspelmath M., Tadmor U. (eds.). Berlin; Boston: De Gruyter, 2009.
- Leschber 2014 — *Leschber C.* Semantische Entwicklungen bulgarischer Turzismen // *Studia Etymologica Cracoviensia*, 19 (2014) 1. S. 95–115.
- Leschber 2007 — *Leschber C.* Die Position der Turzismen im bulgarischen Jugendslang // *Zeitschrift für Balkanologie*, 43 (2007) 1. S. 41–54.
- Schmidt-Brücken et al. 2015 — *Koloniallinguistik: Sprache in kolonialen Kontexten* / Schmidt-Brücken D., Schuster S., Stolz Th., Warnke I.H. und Wienberg M. (eds.), Berlin/ Boston: De Greyter, 2015. (Koloniale und postkoloniale Linguistik. Colonial and Postcolonial Linguistics. Band 8.)
- Warditz 2018 — *Warditz V.* Varianz im Russischen: Von funktionalstilistischer zur soziolinguistischen Perspektive. Berlin et al.: Peter Lang, 2018. (Variolingua. Nonstandard — Standard — Substandard, Band 50.)